

Л. А. Становая

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИТИЧЕСКОГО И СИНТЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Настоящая статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ № 19-012-00297.

Согласно теории глоттогенеза Г. Гийома, формирование индоевропейских языков как языков словесного типа осуществлялось на базе двух мыслительных операций: 1) операции анализа как нисходящего движения от речи к слову-предложению, фразе, слову, формантам; 2) операции синтеза как восходящего движения от формантов к слову-предложению, слову, фразе, речи. Более аналитический по сравнению с латинским характер французского языка обусловлен: 1) нарастающим со временем результатом нисходящего движения; 2) дальнейшим развитием слова-предложения в слово, обусловившим выделение граммы лица из корпуса имени и глагола. Результат восходящего движения не увеличивается со временем, что объясняет причины не только сохранения, но и образования синтетических форм во французском языке.

Ключевые слова: глоттогенез, история французского языка; развитие аналитизма и синтетизма, имя, глагол, артикль.

L. Stanovaia

FEATURES OF ANALYTICAL AND SYNTHETIC DEVELOPMENT OF THE FRENCH LANGUAGE

The research was funded by RFBR project No.19-012-00297.

According to G. Guillaume's theory of glottogenesis, the formation of Indo-European languages as verbal-type languages was based on two mental operations: 1. analysis as a descending process from discourse to word-phrase, phrase, word, formants; 2. synthesis as an ascending process from formants to word-phrase, word, phrase, discourse. When compared to Latin, a more analytical character of the French language is due to: 1) the result of the descending process increasing over time; 2) further development of the word-phrase into the word, which determined the detachment of the person grammeme from the corpus of nouns and verbs. The result of the ascending process does not increase with time, which explains the reasons not only for the preservation, but also for the development of synthetic forms in the French language.

Keywords: glossogeny, history of the French language; analytic and synthetic Evolution, noun, verb, article.

Многие языковые изменения, произошедшие в процессе формирования и эволюции французского языка, традиционно рассматриваются историками языка в связи с общезыковым развитием от синтетизма к аналитизму. При этом одни лингвисты, анализируя процессы разрушения именного склонения и формирования системы артикля, развития аналитических форм степеней сравнения прилагательных и наречий, грам-

матизации и морфологизации глагольных конструкций, другие изменения, произошедшие от латинского языка к старофранцузскому и далее от старофранцузского к современному, обращали большее внимание на развитие аналитических конструкций, а другие — на разрушение флексий.

Так, великий французский ученый Ф. Брюно, автор 11 томов (20 книг) фундаментальной истории французского языка, размышляя

над причинами разрушения падежного склонения, заключил, что не фонетические причины, т. е. оглушение падежных окончаний, привели к исчезновению именного склонения, но «психологические» (*d'ordre psychologique*): прогрессивная потеря (*oblitération*) самого понятия падежа вызвала беспорядок (*désordre*) в употреблении разных средств выражения, когда, например, значение обладания могло одновременно выражаться при помощи формы родительного или дательного падежа, предлога *ad* с формой дательного или винительного падежа, предлога *de* с формой предложного или винительного падежа; «народный инстинкт» (*l'instinct populaire*) должен был навести порядок, выбрав один из способов выражения. Этим способом выражения прежних падежных значений стала аналитическая конструкция как результат общего движения латинского языка к аналитической системе, которой свойственно «отделение выражения связи между понятиями от самих этих понятий» (*détacher l'expression du rapport entre les termes, de ces termes eux-mêmes*) и «передача выражения этой связи специальным словам» (*confier à des mots spéciaux*) как грамматическим средствам (*des outils grammaticaux*): «La tendance générale du latin déterminait ce choix; elle le poussait vers le système analytique, qui consistait à détacher l'expression du rapport entre les termes, de ces termes eux-mêmes, pour la confier à des mots spéciaux, devenus de plus en plus abstraits et destinés à ne plus être bientôt que des outils grammaticaux» [9, vol. I, p. 93]. Главная тенденция развития латинского языка определяла этот выбор; она толкала его к аналитической системе, которая заключается в том, чтобы отделить выражение связи между понятиями от самих этих понятий и передать его специальным словам, которые становятся все более и более абстрактными и которые окажутся вскоре лишь грамматическими средствами (здесь и далее перевод наш. — Л. С.).

Процесс образования аналитических средств выражения грамматического значения завершается установлением аналитической формы слова. Следовательно, развитие аналитизма французского языка представляет собой прогрессивное движение слова от флективного к аналитическому, иначе говоря, реструктуризацию формы слова.

Структурное сходство и различие аналитической и синтетической форм, статус аналитической формы и аналитических средств выражения грамматического значения, а также статус и границы самого слова как единицы лингвистического анализа были предметом бурных дискуссий XX века (подробнее см. [4, с. 37–54]).

Несмотря на разницу теоретических взглядов и употребляющейся терминологии (аналитические словоформы, аналитические слова, «преморфологические», «постсинтаксические» конструкции, флективная и аналитическая морфология, постпозитивные и препозитивные флексии, морфемы, показатели и др.), несомненно, что «структурно аналитическая форма эквивалентна синтетической» [4, с. 44.].

Сходство и различие аналитической и синтетической форм хорошо видны при сопоставлении и анализе латинских и французских слов, например, в таблице 1.

В синтетической цельнооформленной латинской форме: 1) лексическая (лексема) и грамматическая (морфема/морфемы, или граммема/граммемы) части (форманты) соединены в единое слово, 2) лексема предшествует граммеме (граммемам), 3) структура слова имеет следующий вид: «лексема + граммема (граммемы)»: *lupu + m, muru + m; lupu + s, muro + s; alt + ior, dulc + ior; alt + ius, dulc + ius*.

В аналитической раздельнооформленной французской форме: 1) лексическая и грамматическая части разъединены, 2) граммема вынесена за пределы слова и предшествует лексеме, 3) структура слова имеет следующий вид: «граммема (граммемы) + лексема»: *un (le, ce, mon etc) + loup, un (le, ce, mon*

Синтетические и аналитические формы латинского и французского языков

Латинский язык		Французский язык	
лексема	граммема	граммема	лексема
lup-	-um	un (le)	loup
mur-	-um	un (le)	mur
lup-	-os	des (les)	loups
mur-	-os	des (les)	murs
alt-	-ior	Plus	haut
dulc-	-ior	Plus	doux
alt-	-ius	Plus	hautement
dulc-	-ius	Plus	doucement

etc) + *mur*; *des (les, ces, mes etc)* + *loups*, *des (les, ces, mes etc)* + *murs*; *plus* + *haut*, *plus* + *doux*; *plus* + *hautement*, *plus* + *doucement*.

Рассматривая указанное структурное сходство и различие аналитической и синтетической форм в диахронии, можно заключить, что сутью произошедшей реструктуризации формы слова является разделение цельно-оформленного слова на лексическую и грамматическую части, или лексему и граммему (граммемы), и вынесение граммемы (граммем) за пределы слова в препозицию к лексеме. Внешними проявлениями этой реструктуризации являются фонетическое разрушение флексий, обуславливающее сокращение слова до состояния лексемы, и десемантизация полнозначных и неполнозначных слов до состояния граммемы.

Об этом же пишет Кл. Буридан [10, р. 759–761] почти столетие спустя после появления 1 тома истории французского языка Ф. Брюно, заключая, что дефлексивность (*déflexivité*), или замена «флективной морфологии, заключенной внутри слова» (*morphologie flexionnelle intégrée au mot*), на «внешнюю морфологию отделенных морфем» (*morphologie externée, ou plus exactement, par une syntaxe faisant appel à des morphèmes séparés*) является главной тенденцией развития французского языка, а ускоренный, интенсивный «аналитический процесс» (*processus analytique*) — причиной существенных отличий французского языка от других романских языков.

Несмотря на терминологическую разницу, связанную с новыми теоретическими и методологическими принципами изучения истории французского языка в XXI веке, очевидно, что общее аналитическое развитие как «движение слова от флективной морфологии к аналитической» [3, с. 378], признается и в традиционной, и в новой истории французского языка.

Между тем, несмотря на отмечаемый лингвистами высоко развитый аналитический характер французского языка, в нем по-прежнему сохраняются синтетические формы, например, прилагательных мужского и женского рода: *bon* — *bonne*; сравнительной степени прилагательных: *bon* — *meilleur* и наречий: *bien* — *mieux* и др. (например, табл. 2).

В системе глагольного спряжения есть синтетические и аналитические формы, одни из которых традиционно определяются как этимологические латинские, например: *cantat* > *il chante*; *cantabat* > *il chantait*, *cantavit* > *il chanta* и др., а другие — как новые романские, например: *il a chanté*, *il avait chanté* и др., но при этом среди так называемых романских инноваций есть не только аналитические, но и синтетические формы, например: *il chantera* < *cantare habet*, *il chanterait* < *cantare habebat*, которые представляют собой результат сращения бывшей глагольной перифразы, прошедшей процессы грамматизации и морфологизации.

Эти особенности эволюции французского языка вызывают целый ряд вопросов: про-

Синтетические формы латинского и французского языков

Латинский язык		Французский язык	
лексема	граммема	лексема	граммема
bon-	-a	bon-	-e
bon-	-u-s	bon-	-ø
bon-	-u-m	bon-	-ø
melior		meilleur	
melius		mieux	

грессивное движение слова от флективного к аналитическому как результат общего развития аналитизма французского языка хорошо прослеживается на всех этапах его истории, однако каковы причины языковой эволюции от синтетизма к аналитизму? Почему аналитическое развитие разрушает одни синтетические формы латинского языка, но не затрагивает другие? В чем причина такого выбора? Почему в процессе эволюции, несмотря на очевидную общую тенденцию к развитию аналитизма французского языка, образуются не только новые аналитические, но и новые синтетические формы?

Ответы на поставленные вопросы содержатся в теории глоттогенеза (*glossogénie*) Г. Гийома, создателя психосистематики.

Л. М. Скрелина так охарактеризовала этот раздел общей концепции Г. Гийома: «Теория глоттогенеза, или теория происхождения языка как человеческого феномена, рассматривалась Г. Гийомом в нескольких ракурсах: 1) в ракурсе типологии языков; 2) в ракурсе типологии слова; 3) в ракурсе отношения психосистематики и психосемиологии; 4) в ракурсе диахронии — синхронии. Все вместе вписывается в теорию познания как процесса, в котором наряду с **мышлением** важнейшую роль играет **язык**» [2, с. 91] (выделение автора — Л. С.).

Анализируя психомеханизмы формирования слова как потенциальной языковой единицы, Г. Гийом выделил три типа языков: 1) языки типа L (словесный, словарный тип);

2) языки типа RL (литтеральный, или буквенный, изолирующий тип); 3) языки типа PL (цельнофразовый тип), и три пространственно-временных ареала (*aires spatio-temporelles*): 1) ареал I начальный (*aire prime*), его вокабула — слово-предложение (*un mot-phrase*); 2) ареал II срединный (*aire seconde*), его вокабула — псевдолексическое слово (*un mot pseudo-lexical*); 3) ареал III конечный (*aire tièrce*), его вокабула — лексическое слово (*un mot lexical*). Термин «вокабула» (*vocable*) обозначает языковую единицу любого типа и является основой выделения пространственно-временного ареала (подробнее см. [2; 11; 12; 13; 14; 15]).

Анализируя комплекс мыслительных операций, лежащих в основе речезыковой деятельности в процессе глоттогенеза и праксеогенеза (*praxéogénie*), т. е. использования языка в речевом акте для построения и восприятия речи, Г. Гийом выделил операции восходящего и нисходящего движений, или кинетизмов: нисходящее движение мысли направлено от широкого к узкому, от целого к части, это операция анализа, разделения целого на составные элементы; восходящее движение направлено от узкого к широкому, от части к целому, это операция синтеза, соединения составных элементов в целое.

Этапы выделения слова-предложения как вокабулы I ареала, затем псевдолексического слова как вокабулы II ареала и лексического слова как вокабулы III ареала Г. Гийом представляет различными схемами, одни

из которых раскрывают типы и этапы формирования слова как потенциальной языковой единицы, например, рис. 1 [11, с. 34].

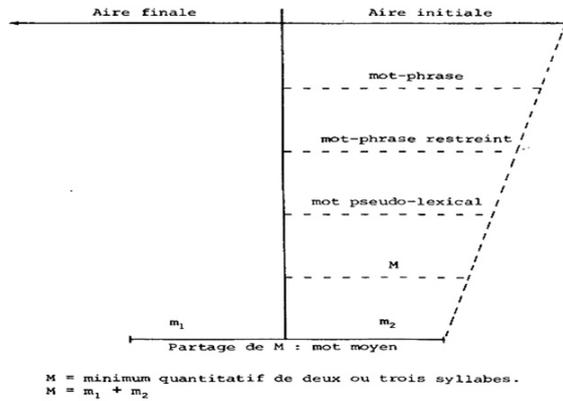

Рис. 1. Этапы формирования лексического слова

Другие — преемственность пространственно-временных ареалов, их вхождение один в другой, объясняющее присутствие пройденных состояний в построенном языке III ареала, например, рис. 2 [11, с. 58].

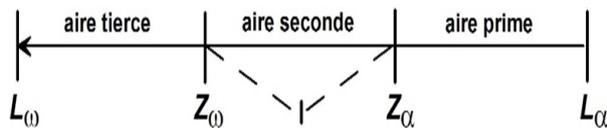

Рис. 2. Преемственность пространственно-временных ареалов

Третьи — взаимодействие нисходящего и восходящего кинетизмов в процессе глоттогенеза и хронологическую последовательность этапов глоттогенеза, например, рис. 3 [15, с. 116].

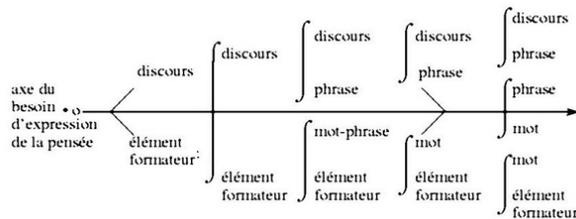

Рис. 3. Хронологическая последовательность этапов глоттогенеза

Индоевропейские языки как языки словесного типа L прошли весь представленный на схемах путь от I начального ареала до III конечного. В основе их эволюции лежат нисходящее движение от целого к части и восходящее движение от части к целому.

Нисходящее движение обусловило последовательное разделение речи, высказывания (*discours*) на фразы (*phrase*), форманты (*élément formateur*), слова-предложения (*mot-phrase*) и слова (*mot*), а соответственно, и общее развитие аналитизма, присущее индоевропейским языкам, включая латинский, французский и другие романские языки. Нисходящее движение аналитично.

Важно отметить, что результат нисходящего движения со временем нарастает (рис. 3): сначала — до формирования слова-предложения как вокабулы I начального ареала — речь разделяется только на форманты, затем — после формирования слова-предложения — на фразы, слова-предложения, форманты, и наконец — после формирования слова как вокабулы III конечного ареала — на фразы, слова и форманты.

Принимая во внимание последовательность хронологических этапов эволюции, более аналитический по сравнению с латинским и старофранцузским характер современного французского языка получает логичное объяснение, а процесс дальнейшего разделения латинского синтетического слова на лексический (лексему) и грамматический (граммему) форманты, о котором шла речь выше, становится понятным.

Восходящее движение обусловило последовательное соединение формантов в слово-предложение и далее — в слово, фразу, речь, а соответственно, и общее развитие синтетизма индоевропейских языков. Восходящее движение синтетично.

Однако, в отличие от нисходящего движения, результат восходящего движения не увеличивается со временем: итогом всегда является потенциальная языковая единица

ареала — слово-предложение или слово, и далее — фраза, речь. Эта вневременная характеристика восходящего кинетизма позволяет понять причины как сохранения синтетических форм, так и их появления в процессе эволюции даже такого аналитического языка, как французский.

Этот вывод кажется неожиданным, поскольку в истории французского и других романских языков, в исторической лингвистике в целом широко распространено толкование языковой эволюции как процесса «упрощения», проявляющегося, в частности, в замене «сложных синтетических» форм «простыми аналитическими». Например, так полагал Б. А. Серебренников [1, с. 113–114; 225], который считал «экономия физиологических усилий» главной движущей силой языковой эволюции и полагал, что «прогрессивный» аналитический строй языка является «технически более совершенной системой», поскольку «значение, выраженное особой формой, легче воспринимается, чем конгломерат значений, выраженный одной формой» (критику см. [5]).

Схожие идеи высказывал В. Ф. Шишмарев, который соединил «тяготение к конкретности, наглядности в выражении мысли» с «упрощением», проявляющимся в замене «сложных традиционных глагольных форм» новыми «составными» и в образовании «новых форм, когда фонетические изменения привели к звуковому совпадению ряда прежних, тем самым затрудняя понимание речи» [7, с. 119].

Между тем, как было показано выше, не все латинские синтетические формы автоматически заменялись аналитическими. Более того, судьба аналитических конструкций, появившихся уже в латинском языке, могла быть различной в разных романских языках. Так, эволюция аналитических конструкций типа *habeo epistulam scriptam* завершилась формированием сложных видовременных форм глагольного спряжения во французском языке: *j'ai écrit (une lettre)* и других романских языках, например,

в итальянском: *ho scritta (lettera)* и испанском: *ha escrito (carta)*. Напротив, эволюция аналитических конструкций типа *cantare habeo* завершилась формированием синтетических форм будущего времени во французском языке — *je chanterai*, итальянском — *cantero*, испанском, каталанском — *cantaré*, португальском — *cantarei*; но: в сельском — *vegnel a cantar (< venio ad cantare)*, сардинском — *deppo/appo cantare (< debeo/habeo cantare)*, румынском — *voi cînta (< volo cantare)*, некоторых южных говорах итальянского языка — *aggio a canda (< habeo ad cantare)*, — эти конструкции остаются по-прежнему аналитическими.

Другой пример развития синтетизма французского языка — образование синтетических аналогических форм прилагательных женского рода на -e типа *grand — grande; doux — douce; vert — verte, etc.*, т. е. тех прилагательных, которые в латинском языке имели одну форму для мужского и женского рода, а другую — для среднего (так называемые прилагательные двух окончаний) или одну форму для мужского, женского и среднего рода (так называемые прилагательные одного окончания): *grandem, m-f (лат. яз.) > grand, m-f (старофранц. яз.) > grand, m : grande, f (совр. франц. яз.)*. Первые аналогические формы прилагательных женского рода зафиксированы уже в «Песни о Роланде», широкое распространение получают в XIV–XV веках (подробнее см. [3]).

Таким образом, в процессе языковой эволюции есть явления как аналитического, так и синтетического развития французского языка, а это означает, что нельзя однозначно утверждать, что все языковые изменения, произошедшие в процессе формирования и эволюции французского языка, обусловлены общезыковым развитием аналитизма. Следовательно, решив вопрос о причинах аналитического и синтетического развития французского языка в целом, а также о причинах более интенсивного аналитического развития французского языка, обратимся к выбору тех синтетических латинских форм,

которые были последовательно заменены аналитическими французскими.

Для этого необходимо снова обратиться к схеме № 3 и к теории Г. Гийома, который, размышляя об эволюции индоевропейских языков, достигших III конечного этапа глоттогенеза, заметил: «*La diachronie structurale des langues les plus évoluées en est présentement à ce résultat. Ira-t-on plus loin? Ou la limite indépassable structurellement est-elle atteinte? Il est difficile de répondre en toute certitude à une telle question, mais il existe des raisons sérieuses de supposer que le système structural à trois intégrales, qui est celui de nos langues, est un aboutissant impossible à dépasser*» [15, с. 118] (Структурная диахрония наиболее развитых языков в настоящее время пришла к этому результату. Пойдет ли она дальше? Или достигнут структурно непреодолимый предел? Трудно с полной уверенностью ответить на подобный вопрос, но есть серьезные основания предполагать, что структурная система с тремя интегралами, свойственная нашим языкам, является результатом, который невозможно превзойти).

Подчеркнем, что Г. Гийом говорил о завершении формирования структурного типа L индоевропейских языков, но не об их эволюции в целом, поскольку, по его мнению, «конечная цель прогрессивного развития языка в исторической перспективе» (*La fin visée par le développement progressif du langage dans le temps historique*) состоит в том, чтобы создать представлению (*le représenté*), т. е. языку, и выражению (*l'exprimé*), т. е. речи, свое собственное пространство [11, с. 29].

Действительно, индоевропейские языки прошли все три выделенных Г. Гийомом этапа от слова-предложения как языковой единицы I ареала к лексическому слову как языковой единицы III ареала. Однако само слово-предложение как цельнофразовое многосложное единство, по определению И. И. Мещанинова, внешне напоминающее слово, с одним законченным смысловым содержанием, но соответствующее предло-

жению (подробнее см. [2, с. 117–128]), не исчезает с появлением лексического слова, поскольку во многих индоевропейских языках, в том числе и современных, можно встретить подобные слова-предложения.

Речь идет прежде всего о глагольных формах, заключающих в себе грамматический формант, или грамму лица, как, например, в латинском и русском языках. Так, известное выражение *veni, vidi, vici* — *пришел, увидел, победил* является по сути словом-предложением, т. е. одновременно и словом, формой глагольного спряжения, и предложением со сказуемым и субъектом действия «Я», инкорпорированным в глагольную форму в виде флексии -i.

Однако, при сохранении слова-предложения сохраняется определенная интерференция языка и речи, свойственная I начальному ареалу. Как слово, слово-предложение является единицей языка и формируется в оперативном времени слова, но как предложение, слово-предложение является уже единицей речи, а значит, должно формироваться в оперативном времени фразы: эта разница в формировании слова и фразы хорошо видна в таблице 3 при сравнении трех последних этапов глоттогенеза.

Получается, что «конечная цель прогрессивного развития языка в исторической перспективе» не достигнута, следовательно, языковая эволюция должна продолжиться, чтобы язык и речь получили свое собственное пространство, а для этого необходимо окончательное исчезновение слова-предложения.

Чтобы указанные выше глагольные формы *veni, vidi, vici* — *пришел, увидел, победил* перестали быть словом-предложением, а стали только словом, «глаголом в собственном смысле», необходимо «освободить латинский глагол от субъектной функции» [2, с. 120], а именно — вычленив субъект действия «Я», инкорпорированный в глагольную форму в виде флексии -i.

Именно это происходит в истории французского языка: редукция конечных гласных и оглушение конечных согласных разрушает глагольную флексию и ведет к потере различия французских форм по лицу, например: *canto, cantas, cantat* > *chante, chantes, chante*, обуславливая необходимость все более и более регулярного употребления личных местоимений.

Следовательно, употребление приглагольных личных местоимений как специальных служебных элементов и формирование аналитической формы глагола по модели «граммема + лексема» (*je + chante, tu + chantes, il + chante*) обусловлены дальнейшим преобразованием слова-предложения в слово (о причинах образования аналитических форм типа *il a chanté* см. [6]).

Поскольку для преобразования слова-предложения в слово необходимо выделить и вынести за пределы глагольной формы грамматический формант, выражающий логическое лицо, т. е. граммему лица, то именно это языковое изменение и происходит в процессе эволюции французского языка. Остальные граммемы — времени и наклонения — соединены с лексемой в синтетической форме французского слова, (например, табл. 3).

Необходимость предоставить глаголу специальные формы, выражающие логическое лицо и служащие ему внешней опорой инцидентности, завершается во французском языке созданием системы личных (*je, tu, il, elle, nous, vous, ils, elles*), указательных (*celui, celle; ceux, celles; ce, ceci, cela, ça*), притяжательных (*le(s) mien(s), la (les) mienne(s); le, la, les nôtre(s), etc.*), относительных (*qui, que, quoi, lequel, laquelle, lesquels, etc.*), вопросительных (*qui, que, quoi, qu'est-ce que? qui est-ce que? etc.*) и неопределенных (*on; quelqu'un, quiconque, chacun; aucun, autre; etc.*) местоимений.

Согласно последним исследованиям, посвященным возможному или невозможному опущению субъектного местоимения в разных языках («pronoun-dropping», «null-subject»), уже в старофранцузском языке количество предложений с невыраженным подлежащим сокращается с 60–80 % в ранних французских текстах IX–XII веков до 5–40 % в текстах XIII века [8]. Обязательное употребление личных субъектных местоимений при глаголе, в том числе в безличных конструкциях, становится нормативным с XVII века: Ш. Мопя (Ch. Maupas) и Ф. Малерб (Fr. de Malherbe) пишут об обязательном употреблении личных местоимений [9, vol. III-2, p. 477], а Кл. Вожла (Cl. Vaugelas) называет

Таблица 3

Глагольные формы латинского и французского языков системы несовершенного вида

Латинский язык		Французский язык	
лексема	граммемы лица, времени, наклонения	граммема лица	лексема + граммемы времени, наклонения
cant	-a-t (Praesens Indicativi)	il	chante (Présent de l'Indicatif)
cant	-e-t (Praesens Conjunctivi)	il	(que) chante (Présent du Subjonctif)
cant	-a-ba-t (Imperfectum Indicativi)	il	chante-ait (Imparfait de l'Indicatif)
cant	-a-re-t (Imperfectum Conjunctivi)	il	(que) chantât (Imparfait du Subjonctif)

опущение местоимений архаизмом и «варваризмом» [3, с. 429].

Такой же процесс выделения грамматического форманта лица происходит в системе имени, получающем свою препозитивную отделяемую морфему — артикль.

Как указывает Л. М. Скредина, артикль — это «кардинальное лицо, выделенное из существительного, превратившееся в отдельную морфему и получившее в то же время нагрузку указывать изменения экстенсии имени в речи, частью которой имя становится при переходе из языка. <...> В диахронической перспективе (или ретроспективе) такое развитие свидетельствует о высвобождении лица из корпуса имени, подобное тому высвобождению, которое наблюдается в глаголе относительно порядковых лиц» [2, с. 309; 311].

Таким образом, артикль — это препозитивная грамма лица, выделенная из формы существительного и вынесенная за ее пределы для того, чтобы существительное, точно так же, как и глагол, перестало быть словом-предложением и стало словом-именем в собственном смысле.

На это направлены языковые изменения, разрушающие именную флексию: редукция конечных и послеударных гласных, оглушение конечных согласных, например: *rosā, rosae, rosam, rosā* > *rose*; *lupi, lupō, lupum, lupō* > *loup*, ведут к потере различия форм существительных по числу и падежу. Артикли и другие детерминативы имени, употребляющиеся все более и более регулярно, становятся основным средством выражения грамматических значений существительного.

Важно подчеркнуть, что и здесь вычленяется именно грамматический формант лица, который получает свой знак в речи, — артикль. Семантический формант лица — им-

плицитный, инкорпорированный в основе слова, — остается в структуре имени в качестве внутренней опоры, необходимой для формирования существительного как слова, т. е. единицы языка.

Г. Гийом объясняет это явление тем, что в современном французском языке существительное отличается внутренней двойственностью лица (*la dualité intérieure de la personne de substantif*) [14, p. 130]. Л. М. Скредина уточняет: «Будучи поддержкой инцидентии, лицо остается в имени. Будучи поддержкой экстенсии, лицо покидает имя и составляет отдельную часть речи: артикль» [2, с. 309].

Употребление артикля во французском языке становится нормативным также с XVII века. Как отмечает Ф. Брюно, начиная с эпохи Вожла, артикль регулярно употребляется в большинстве значений, свойственных ему в современном языке [9, Vol. IV-2, p. 763].

Необходимость предоставить существительному свои специальные формы для выражения лица в речи завершается во французском языке созданием системы детерминативов: артикли (*le, la, les, un, une, des, du, de la*), указательные (*ce, cet; cette; ces; etc.*), притяжательные (*mon, ma, mes, notre, nos, leur, leurs; etc.*), вопросительно-относительные (*quel, quelle, quels, quel? quelle? etc.*), неопределенные (*aucun, aucune; aucuns; tel, telle, tels, certain, certaine; tout, toute, tous, etc.*).

Учитывая, что в современном французском языке, начиная с XVII века, логическое лицо семиологически выражается отделяемыми препозитивными грамматическими формантами, можно полагать, что слово-предложение завершило свое существование во французском языке к XVII веку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.
2. Скредина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. М.: Высшая школа, 2009. 367 с.
3. Скредина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. М.: Высшая школа, 2005. 463 с.

-
4. *Скрелина Л. М., Становая Л. А.* Теоретическая грамматика французского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. 386 с.
 5. *Становая Л. А.* Еще раз к вопросу о принципе языковой экономии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Вып. 2. № 4. С. 50–75.
 6. *Становая Л. А.* Грамматическая категория вида в русле формирования и эволюции французского языка // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы. Материалы XVIII Международной конференции Школы-Семинара имени Л. М. Скрелиной. М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2017. С. 249–257.
 7. *Шшимарев В. Ф.* Историческая морфология французского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 268 с.
 8. *Balon L., Larrivé P.* L'ancien français n'est déjà plus une langue à sujet nul — nouveau témoignage des textes légaux // Journal of French Language Studies. 2016. Vol. 26. No. 2. P. 221–237.
 9. *Brunot F.* Histoire de la langue française dès origines à nos jours. Vol. I.; III-2; IV-2. Paris: A. Colin, 1966. 597; 733; 1215 p.
 10. *Buridant Cl.* Grammaire nouvelle de l'ancien français. Paris: SEDES, 2000. 800 p.
 11. *Guillaume G.* Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1956–1957. Systèmes linguistiques et successivité historique des systèmes (II). Vol. 5 / eds. W. H. Hirtle, A. Joly, R. Valin. Québec: Presses de l'Université Laval; Lille: Presses Universitaires de Lille, 1982. 310 p.
 12. *Guillaume G.* Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1946–1947. Série C. Grammaire particulière du français et grammaire générale (II). Vol. 9 / eds. W. H. Hirtle, A. Joly, R. Valin. Québec: Presses de l'Université Laval; Lille: Presses Universitaires de Lille, 1989. 291 p.
 13. *Guillaume G.* Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1958–1959. Leçons des années 1958-1959 et 1959-1960. Vol. 13 / eds. R. Valin, W. Hirtle. Québec: Presses de l'Université Laval; Paris: Klincksieck, 1995. 402 p.
 14. *Guillaume G.* Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1942–1943. Série B. Esquisse d'une grammaire descriptive de la langue française (I). Vol. 16 / eds. R. Valin, W. Hirtle, R. Lowe. Québec: Presses de l'Université Laval; Paris: Klincksieck. 1999. 424 p.
 15. *Guillaume G.* Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1941–1942. Série B. Théorie du mot et typologie linguistique: initiation et construction du mot à travers les langues. Vol. 17 / ed. R. Lowe. Québec: Presses de l'Université Laval, 2005. 495 p.